

Даже несмотря на то, что он долгое время находился вдали от дома, комната Шэнь Цзяланя всегда оставалась чистой и аккуратной. Одежда в шкафу была разложена по сезонам, вещи регулярно обновлялись, и даже кактус, который он однажды прихотливо поставил на балконе, был ухожен до состояния сочной свежести.

Шэнь Цзюли всё это время ждал его возвращения, и Шэнь Цзялань знал это.

Но что же он упустил за эти годы?

Он пропустил горечь, скрывающуюся за упорным трудом Шэнь Цзюли. Он упустил из виду, как старательно рос Шэнь Хайжо. Он не заметил появления нового милого члена семьи. Более того, он упустил заботу и тепло, которые семья должна была дарить друг другу, а ведь семья была самым важным для Шэнь Цзюли.

Он упустил всё это, даже намеренно игнорировал, продолжая при этом бессознательно наслаждаться доверием, которое Шэнь Цзюли ему оказывал.

Никаких вопросов, никаких упрёков, никакой ненависти — Шэнь Цзюли дарил ему только полное принятие.

Шэнь Цзялань тоже хотел остановиться, но у него не получалось.

В его сердце был вопрос, словно замок, и сейчас он изо всех сил искал «ключ», который смог бы открыть все загадки.

— Сяо Цзю, прости мою эгоистичность...

С лёгким чувством вины Шэнь Цзялань не смог усидеть на месте и решил быть добрее к Шэнь Цзюли.

Вечером Шэнь Цзюли вернулся домой, и Шэнь Сяочу сообщил ему, что Сяо Лань приготовил для него целый стол его любимых блюд.

Выражение лица Шэнь Цзюли сменилось с шока на растерянность, а затем на недоверчивое сомнение.

Шэнь Сяочу кивнул:

— Правда!

Шэнь Цзюли с подозрением взглянул на стол и тут же остолбенел. На столе был огромный

ассортимент... сашими.

Шэнь Цзялань с удовлетворением подошёл с тарелкой васаби, шаги его были легки, а на лице явно читалось: «Скорее благодари, глупый брат».

Как кот, точнее, как получеловек кошачьего рода, Шэнь Цзюли имел некоторые схожие с кошками привычки, например, любовь к рыбе.

Вся рыба была свежей, и можно было заметить, что Шэнь Цзялань мастерски владел ножом — кусочки рыбы были нарезаны идеально, тонко и аккуратно, красиво выложены на тарелке.

Но целый стол сашими — это было слишком!

Внутри Шэнь Цзюли едва не скривился, но не осмелился показать это.

Он потянул Шэнь Сяочу и с трудом сказал:

— Старший брат, у детей слабый желудок, такое количество сашими может вызвать боль в животе.

Шэнь Цзялань, казалось, ожидал этого и ответил:

— Не беспокойся, Сяочу может съесть мой жареный рис с яйцом. Сашими все для тебя.

Шэнь Сяочу кивнул: жареный рис с яйцом тоже был очень вкусным.

— Ну нет...

Шэнь Цзюли с подёргивающимся уголком рта решил сказать правду:

— Старший брат, даже взрослый не справится с таким количеством сашими. Ты хочешь, чтобы я всю ночь мучился с животом?

Шэнь Цзялань моргнул, и в тот момент, когда Шэнь Хайжо и Шэнь Сяочу подумали, что он сейчас взорвётся и начнёт бить «неблагодарного» Шэнь Цзюли, он этого не сделал.

Он сказал:

— Ладно, тогда не будем есть столько сашими. Я сейчас приготовлю вам жареный рис с яйцом, успею?

Шэнь Цзюли энергично кивнул:

— Мне очень нравится жареный рис с яйцом.

Казалось, сегодня Шэнь Цзялань был в хорошем настроении. Увидев, что он снова пошёл на кухню, Шэнь Цзюли облегчённо вздохнул и быстро попросил слуг убрать весь стол с сашими, часть упаковать, чтобы не пропало зря, и отдать слугам домой.

На ужин каждому досталась тарелка жареного риса с яйцом, и никто не возражал. Даже Шэнь Сяочу с удовольствием ел ложкой, маленькими кусочками.

После ужина Шэнь Цзюли осторожно спросил:

— Старший брат, может, завтра ты пойдёшь со мной в компанию? Ты ведь каждый день дома...

Не успел он закончить, как Шэнь Цзялань резко прервал его:

— Тебя раздражает, что я сижу дома, ничего не делаю, да?

Шэнь Цзюли запаниковал:

— Я не это имел в виду! Как я могу считать тебя бездельником?

— Ты сам это сказал, я слышал. Хм, ты назвал меня бездельником?

Ситуация становилась всё запутаннее.

В этот момент Шэнь Цзялань выглядел как строгий кредитор, а Шэнь Сяочу и Шэнь Хайжо с сочувствием смотрели на Шэнь Цзюли. Разозлить Сяо Лана — значит нарваться на неприятности!

Они уже давно заметили, что Шэнь Цзялань постоянно придирается к Шэнь Цзюли, срывает на нём зло и капризничает чуть ли не каждый день.

Вчера он ругал Шэнь Цзюли за то, что тот купил ему торт с белым шоколадом, а он вдруг захотел чёрный. Позавчера вечером он увидел, как Шэнь Цзюли спускался с второго этажа за соком, и раскритиковал его за уродливую пижаму. А позавчера утром, не выспавшись, он ворвался в комнату Шэнь Цзюли, грубо разбудил его пощёчиной, а затем снова его отругал...

И при этом Шэнь Цзюли совершенно не осознавал, что его старший брат его притесняет.

Шэнь Цзялань бросил взгляд на Шэнь Цзюли с невинным выражением лица, затем встал и без эмоций ушёл в свою комнату.

Оставив Шэнь Цзюли в растерянности, он продолжал размышлять, не слишком ли он пренебрегал старшим братом, игнорируя его потребности?

Затем он серьёзно сказал младшим:

— Завтра вы отведёте старшего брата погулять, купите ему то, что он любит. Все расходы я беру на себя.

Шэнь Хайжо загорелся глазами и поднял руку:

— То есть за то, что мы купим, заплатишь ты, верно?

— Можно, но в конце месяца вычту из твоих карманных денег.

Шэнь Хайжо чуть не заплакал.

Что такое дискриминация?

Вот это.

Оба идут гулять, но старший брат может есть, пить и покупать за счёт компании, а они должны платить из своего кармана. Это просто верх несправедливости.

А тем временем Шэнь Цзялань, закрыв за собой дверь, сразу же бросился на кровать, смеясь и катаясь по ней, его расслабленный вид был даже более кошачьим, чем у Шэнь Цзюли.

Немного помолчав, он потянулся за телефоном на тумбочке, включил экран, что-то нажал и бросил его на подушку.

— Уже поздно, пора спать.

Он встал и пошёл в ванную, где провёл полчаса, а затем вышел в хлопковых пижаме и штанах, вытирая полотенцем мокрые волосы.

Ещё минут десять он сушил волосы, пока они почти не высохли.

Шэнь Цзялань никогда не был строг к себе. Если позволяли условия, он всегда старался

обеспечить себе максимальный комфорт.

Например, он не мог спать с мокрыми волосами, поэтому всегда тщательно их сушил, а фен считал вредным, предпочитая мягкое полотенце.

Чувствуя себя свежим и чистым, Шэнь Цзялань улёгся в кровать, с удовольствием укрылся одеялом и выключил свет. На тумбочке загорелся оранжевый ночник.

В слабом свете Шэнь Цзялань почувствовал, что сможет хорошо выспаться. Ведь его сон всегда был крепким, и отсутствие мешков под глазами было лучшим доказательством этого.

Ночь прошла спокойно.

Проснувшись, Шэнь Цзялань вместе с семьёй позавтракал. Сегодня утром на столе были китайские блюда: сяолунбао, жареные пельмени и ютяо, а также ароматная каша из чёрного риса.

После завтрака Шэнь Цзюли отправился на работу.

А Шэнь Хайжо, которого вчера Шэнь Цзюли обязал вывести Шэнь Цзяланя погулять, был в восторге. Под презрительным взглядом Шэнь Сяочу он уже трижды переодевался.

Шэнь Хайжо, будучи звездой, начал свою карьеру с модельного бизнеса. Его рост в 190 сантиметров и идеальная фигура делали его настоящим манекенщиком — он выглядел хорошо в любой одежде.

Сегодня он был одет в повседневную одежду для прогулок и, стоя перед зеркалом, примерял третий наряд, поправляя волосы и принимая различные эффектные позы.

Шэнь Цзялань с раздражением сказал:

— Ты уже закончил?

Мужчина, который так кокетничает, — это просто перебор. Шэнь Цзялань отказывался признавать, что они с Шэнь Хайжо братья. У него не было такого нарциссизма.

Шэнь Хайжо поспешно кивнул:

— Да, да.

Шэнь Сяочу, глядя на его пиджак в сочетании с джинсами, которые подчёркивали его длинные

ноги, невольно скривился.

— Дядя, ты готов к встрече с папарацци?

Шэнь Хайжо уверенно кивнул:

— Конечно, у меня есть план.

Затем он нашёл большие солнцезащитные очки, причём известного бренда, и, надев их, сразу же приобрёл внушительный вид.

Шэнь Сяочу закрыл лицо руками:

— Тебя точно узнают.

Шэнь Цзялань с недовольством сказал:

— Ты не можешь одеться скромнее?

<http://bllate.org/book/15261/1346537>